

ПРОЛОГ

...Итак, после уничтожения главного храма Церкви Трех, после исчезновения ее главы, Ульдиссиан, сын Диомеда, и его эдиремы двинулись по миру, очищая землю от прочих следов сей нечестивой секты. Ярче яркого пылало на их пути пламя праведного возмездия, истребляя все, что осталось от Культа Трех.

Однако Собор Света по-прежнему сохранял силу и власть, и пустоту, возникшую там, где некогда проповедовали приверженцы Трех, не преминули заполнить посланцы Пророка. Нет, вступать с эдиремами в противоборство они даже не помышляли, но неизменно следовали за ними, помогая местным жителям отстроиться заново, а заодно предлагая и утешение.

На подобные вещи, столь обыденные и заурядные, Ульдиссиан закрывал глаза, ибо полностью сосредоточился на собственных крепнущих силах, уверенный в том, что Собору не выстоять против борющихся за правое дело. Сражаясь с фанатиками и демонами, он не понимал, к чему исподволь стремится ангел Инарий, известный людям в образе юного красавца, духовного вождя Собора Света. О помощи в низвержении Церкви Трех, оказанной ангелом Ульдиссиану, не ведали даже дракон

Траг'Ул и отрекшийся от Инария сын, нефалем по имени Ратма.

Но если таков был их грех, не менее грешен оказался и сам Инарий, не заметивший, что о борьбе за душу мира, именуемого Санктуарием, стало известно кое-кому еще... а между тем эти «кое-кто» вполне могли пожелать забрать добычу себе, либо взять да уничтожить все без остатка.

И, разумеется, никто на всем белом свете — ни таинственный лже-Пророк, ни даже сам Ульдиссиан — еще не понимал, во что медленно, но неуклонно превращается старший из сыновей Диомеда...

*Из «Книг Калана»
том двенадцатый, лист первый*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Под пронзительный визг человека посреди пентаграммы Зорун Цин сотворил новое заклинание, при помощи коего искусно избавил тело пытаемого от очередного лоскута кожи. Лоскут — ровно три на три дюйма — сам собой, без малейшей заминки, свернулся в трубочку, оставляя на обнаженном теле кровоточащую рану, являя взору мускулы и сухожилия. Ручейки крови, потекшие вниз, смешались с алыми лужицами, во множестве украшавшими каменный пол.

Сухопарого, бородатого мага кровавые кляксы на каменных плитах ничуть не волновали. Кровь эта будет собрана позже, для прочих надобностей, никак не касающихся насущных материй, интересующих темнокожего кеджани в данный момент. Подумать только: Совет Кланов сумел прекратить внутренние распри на столь долгий срок, чтоб упросить его выяснить все возможное о заполонившем окрестные земли войске фанатиков, наделенных невероятным могуществом!

Нет, дело состояло вовсе не в том, что этим, как они сами себя именуют, «эдиремам» удалось одолеть могущественную Церковь Трех. Напротив, избавлению от этой влиятельной секты, отнявшей у заклинателей изрядную

долю власти, кланы магов были очень и очень рады. Именно Церковь Трех и стала одной из главных причин первых раздоров меж кланами, немедля сцепившимися друг с дружкой в борьбе за остатки этой власти.

Встревожил кланы настолько, что им наконец-то удалось хоть в чем-то столкнуться, простой факт: основную массу эдиремов составляли ничему не обученные простолюдины. Все это были крестьяне, поденщики и так далее, однако ж их предводитель сулил им возможности, коих маги достигали лишь ценой ежедневного кропотливого труда на протяжении большей части отпущенного срока жизни. Вдобавок, их манера использования собственных сил свидетельствовала о беспечности, о безрассудстве, крайне опасном во множестве отношений. Таким образом, эдиремы являли собой источник несомненной угрозы, и угрозу сию надлежало ограничить жесткими рамками.

И кто же справится с этим лучше, чем кланы магов? Уж под их-то строгим надзором эти таинственные силы непременно будут должным образом изучены и использованы.

— Итак, повторяю, — проскрежетал Зорун. — Ты видел, как пришлые до основания, голыми руками, разрушили храм! Какие слова они при том произносили? Какими жестами сопровождали их?

— Н-не знаю! — завопил пленник. — К-клянусь, не знаю!

Человек этот был лыс, как колено, но телом, несмотря на допрос, еще крепок. Некогда он служил в храмовой страже и оказался одним из немногих счастливых, ускользнувших из лап фанатиков. Дабы выследить хотя бы этого типа, Зоруну пришлось потратить не од-

ну неделю — так глубоко уцелевшие церковники забились по норам.

— К-клянусь: так и было! Они... ничего такого не делали!

Мановением руки кеджани велел лоскуту кожи окончательно отделиться от тела. Пленник вновь испустил страдальческий вопль. С нетерпением дождавшись, пока крик не утихнет, перепоясанный оранжевым кушаком маг заговорил снова.

— Напрасно ты полагаешь, что я поверю, будто они способны добиться цели, всего-навсего повелев желаемому совершиться. Магия действует совершенно иначе. Для этого требуется сосредоточенность, определенные жесты и долгие упражнения.

Но пленник лишь со стоном перевел дух. Нахмурившись, Зорун Цин медленным шагом двинулся вокруг пентаграммы. В восьмистенной комнате, где он с самого утра допрашивал бывшего стража, царил безупречный порядок и чистота. Каждый сосуд, каждый свиток пергамента, каждая вещь, наделенная волшебными свойствами, были разложены по полкам в строгом, раз навсегда заведенном порядке. Порядок и аккуратность Зорун полагал первоочередным залогом успеха в тайных искусствах. Не в пример кое-кому из других магов, он не позволял хламу взять над собою верх, а пыли да паутине — уподобить его святая святых свинарнику.

К безупречности кеджани стремился и во всем, что касалось его самого. Его коричневая, свободная в плечах блуза и складчатые штаны неизменно были дочиста выстираны. Бородку он всегда содержал определенной длины, надлежащим манером остриженной, и даже редующие седины, умащенные маслом, искусно, волосок к волоску, зачесывал на затылок.

Возможно, предпочитаемый Зоруном образ жизни в какой-то степени объяснял его настойчивость в постижении секрета фанатиков. Они несли в мир небрежность, беспорядок, а основой их чародейства, судя по всему, служили чувства, мимолетные прихоти. Правду сказать, когда совет обратился к нему с этим делом, Зорун уже втайне от всех начал вникать в положение. Разумеется, совету он о том не сообщил: иначе ему могли отказать в удовлетворении перечня выдвинутых им встречных требований, не говоря уж об обещании большего в случае успеха.

Нет, никаких «в случае». Успеха Зорун добьется непременно.

— Ты видел предводителя асценийцев, так называемого Ульдиссиана уль-Диомеда. Это правда?

— Д-да! Да! — завопил храмовый страж, едва ли не радуясь возможности ответить хоть на какой-то вопрос. — Видел! Бледный такой! Говорят, из крестьян... происходит!

— Копающийся в земле, — с презрением пробормотал чародей. — Чуть выше животного...

Пленник над пентаграммой невнятно забулькал, возможно, соглашаясь с сим утверждением.

— Говорят, храм разрушил именно он, в одиночку. Ты это видел?

— Н-нет!

Ответ раздосадовал Зоруна пуще прежнего.

— Тогда ты напрасно отнимаешь у меня время.

Небрежный жест — и окровавленный пленник ахнул, сдавленно захрипел, дернулся, пытаясь дотянуться до горла, чудовищно вспухшего вокруг кадыка. Однако если б даже плененному стражу было позволено поднять ру-

ки (чего чары мага ему, естественно, не позволяли), то и тогда помешать чарам Зоруна он бы не смог.

Невнятно вскрикнув напоследок, страж разом обмяк, и Зорун, наконец, позволил мертвому телу рухнуть на пол, где оно весьма неопрятным образом распростерлось поверх пентаграммы.

— Терул!

На зов в комнату, волоча на ходу ноги, вошел огромного роста, плечистый кеджани с необычайно крохотной головой, одетый только в простую блузу. Лицо его очень напоминало мордочки небольших обезьянок, почитаемых многими жителями нижних земель как святыня, хотя, на взгляд Зоруна, божественного в них было не более, чем в его слуге. Терул обладал иным достоинством — превосходно, без лишних вопросов, исполнял прямо отданные приказания, за что и был уведен магом из городских трущоб.

Терул вопросительно хрюкнул (подобные звуки вполне заменяли ему речь) и в знак почтения склонил перед хозяином крохотную головку.

— Тело.

В подробности Зоруну вдаваться не требовалось: слуга и без того прекрасно понял, чего от него хотят. Легко, будто перышко, подхватил Терул мертвого стража, не обращая внимания на то, что извоzilся в крови. Хозяином великан был обучен мыться и чиститься всякий раз по завершении дела.

Все так же волоча ноги, Терул вынес труп в коридор. Сточных туннелей в недрах столичного города, Кеджана, имелось великое множество. Все они в итоге вели к реке за городскими стенами, а уж там дикие дебри земель, также названных древними Кеджаном, поглотят любые отбросы.

Взглянув на лужу крови и оставленный Терулом кровавый след, Зорун пробормотал заклинание и начертал в воздухе надлежащие знаки. Сколь же безмерное удовольствие чувствовал он, глядя, как алая жидкость без сучка и задоринки течет к пентаграмме, не оставляя ни капельки на полу! Многие ли из членов совета способны исполнить этакий трюк? Сие заклинание Зорун оттачивал до совершенства на протяжении десяти лет...

Маг недовольно поморщился. Несомненно, этот Ульдиссиан уль-Диомед мог бы проделать то же одним-единственным взглядом.

«Нет, так быть не должно... а если уж должно, подобными силами надлежит обладать мне, а не какому-то глупцу из простонародья!»

Подхватив плащ, Зорун покинул свою святая святых. Теперь ему требовалось кое-кого навестить, дабы разжиться кое-какими вещицами, необходимыми для дальнейших трудов, а это означало довольно щекотливые переговоры, сделки, о которых он отнюдь не желал извещать нанимателей. Секреты любого мага стоят куда дороже обычных монет либо самоцветов. Цена их исчисляется жизнями.

И если замыслы Зоруна сбудутся как задумано, одной из этих жизней станет жизнь асценийца по имени Ульдиссиан.

* * *

— Ты должен поговорить с братом, — настаивал Ратма. В его обычно ровном, бесстрастном голосе слышались нотки тревоги. — Чем ярче проявляется его сила, тем беспечнее он становится.

— И что же нового я ему скажу? — пожав плечами, откликнулся Мендельн.

Оба они были разительно схожи, но в то же время совсем не походили один на другого. Ратма превосходил ростом большинство людей. Безупречные черты лица его словно вышли из-под резца искуснейшего ваятеля, необычайную, не свойственную никому из живых бледность кожи особенно ярко подчеркивал черный плащ с капюшоном и черные же одежды.

Мендельн уль-Диомед, не в пример ему, роста был среднего и лицом — куда проще. Родился он в крестьянской семье, хотя сам склонности к земледелию не проявлял. Из-за широкого носа он в сравнении с собеседником казался себе сущим уродом, а его темные волосы рядом с черной как смоль шевелюрой Ратмы словно светлели сами собой.

Однако и поведением, и речью, и даже одеждой они напоминали братьев куда больше, нежели Мендельн с Ульдиссианом. Одевался Мендельн точно так же, как Ратма, а кожа его, хоть и слегка розоватая, была гораздо бледнее типичного цвета — особенно для асценийца, которому давным-давно, подобно брату с Серентией, следовало бы пропечься под солнцем до черноты, не хуже жителей нижних земель.

Впрочем, столь близкому сходству Мендельна с Ратмой удивляться не стоило. Ратма выбрал младшего из сыновей Диомеда себе в ученики, и теперь ему первым из смертных предстояло ступить на путь, пройденный сыном ангела и демонессы.

— Он думает, будто поступает весьма целесообразно, — продолжал Мендельн. — Церковь Трех, дескать, вновь пробуждается к жизни, вынуждая его известить всех их присных под корень. И ему, и многим другим это кажется вполне разумным. Тут ему даже я в логике отказать не могу.